

Самиздат: литературные движения Ленинграда 1950-е – 1980-е гг.

Вячеслав Э. Долинин, Дмитрий Я. Северюхин

Тезисы

V. E. Dolinin and D. Ya. Severiukhin are authors associated with the authoritative encyclopaedia Samizdat Leningrada (2003). Both were deeply involved in Samizdat publishing in Leningrad. Dolinin was arrested in 1982 and spent four years in prison. This article is a broad survey of the origins, development and values of Leningrad unofficial culture during the 'classical' period (1950s-1980s) of Soviet Samizdat.

Ключевые слова

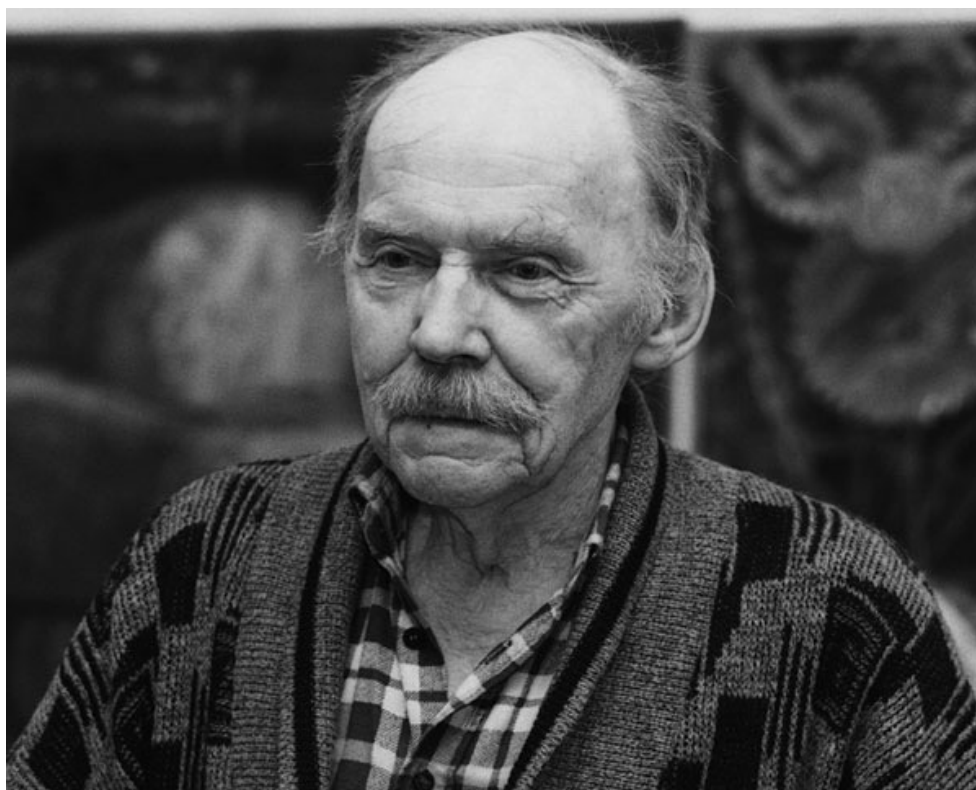
«Вторая» культура, самиздат, неофициальная литература

Контакты

severuhin@yandex.ru

Борис Иванович Иванов. Фотография Н.А. Симоновского

5 февраля 2015 года в Санкт-Петербурге на 87 году жизни скончался русский писатель Борис Иванович Иванов, один из видных деятелей независимого культурного движения в советском Ленинграде 1960–1980-х годов, организатор Самиздата – формы нелегальной печати и распространения литературных произведений, свободной от идеологической цензуры, создатель и многолетний редактор толстого машинописного журнала «Часы». Борису Ивановичу Иванову посвящается эта работа.

Историю русской культуры второй половины XX века невозможно понять, не изучив область независимого общественного движения и его важнейшей составляющей – неофициальной литературы или Самиздата.

Борьба со свободомыслием всегда была существенной частью внутренней политики Российской власти. Формы проявления свободомыслия и способы борьбы с ним менялись от века к веку, но общая установка государства на подавление независимой инициативы сохранялась.

Неподконтрольное власти письменное слово появилось в России одновременно с появлением письменности. Издревле ходили по рукам рукописи всевозможных еретиков и сектантов; обширную нелегальную литературу оставили старообрядцы. С начала XIX века широко расходились в списках не допущенные к печати литературные произведения – *Путешествие из Петербурга в Москву* Радищева, *Записки о древней и новой России* Карамзина, *Горе от ума* Грибоедова, *Философские письма* Чаадаева, многие стихотворения Пушкина. Ссылные Декабристы выпускали рукописные журналы в Сибири. Немало русских книг и журналов печаталось за границей и попадало в Россию нелегально. Эхо Герценовского «Колокола» спустя столетие вернулось в СССР в виде журналов «Континент», «Грани», «Посев» и других зарубежных изданий, ориентированных на свободного читателя в несвободной России.

Для истории неофициальной литературы советского времени точкой отсчета служит один из первых декретов новой власти – Декрет о печати, принятый 28 октября (10 ноября) 1917 г., через три дня после большевицкого переворота в Петрограде. Декретом запрещались «контрреволюционные издания» – так был положен конец краткому периоду свободы, который открыла Февральская революция, отменившая все цензурные ограничения. Этот документ стал первым в череде законодательных актов, закреплявших жесткий контроль большевицкой власти над словом. В 1920-е годы в СССР были запрещены частная издательская деятельность и ввоз печатных изданий из-за границы, что способствовало культурной изоляции страны.

Подавление гражданских свобод естественно отразилось и на судьбе литературы. Итогом первых лет большевистского правления стали аресты, принудительная высылка из страны или вынужденная эмиграция многих деятелей культуры, чье творчество на десятилетия оказалось закрытым для читателей в советской России. Среди первых жертв «Красного террора» оказался выдающийся деятель Серебряного века – поэт литературный критик и переводчик Николай Гумилев, расстрелянный 26 августа 1921 г. по политическому обвинению. В последующие три десятилетия печальный список

числу политических обвинений в отношении деятелей культуры позже прибавилось обвинение в «формализме», а на рубеже 1940–1950-х – в «космополитизме», что по своей сути было проявлением антисемитизма. Литераторы разделили участь всей российской интеллигенции и других «неблагонадежных» слоев населения. Вслед за арестом автора обычно следовало вычеркивание его имени из литературы, изъятие из библиотек и уничтожение его книг.

Репрессиям подвергались не только отдельные литераторы, но и целые литературные направления, школы, издательства и журналы. Самым известным официальным документом в этой области стало Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», в связи с которым были отлучены от официальной литературной деятельности Михаил Зощенко и Анна Ахматова («крамольные» стихи последней получили распространение в Самиздате).

Борис Иванов так описывает эту сторону тогдашнего литературного бытия:

Советскую издательскую практику можно было представить в виде одного Главного издателя, который на одной шестой части планеты решал что издавать, а что нет. При этом он помнил, что было издано ошибочно до рождества Советской власти, что было издано без его ведома уже в его бытность. Он имел право также вести антииздательскую деятельность – то есть изымать из книгохранилищ, домашних собраний, из личного потребления как полиграфическую продукцию, так и то, что еще только могло быть опубликовано без ведома Главного, как то: рукописи произведений, дневники, личные письма, документы, и определял суровые меры наказания. Антииздательская практика включала в себя аресты и изоляцию индивидов, в чьих головах нежелательные публикации подразумевались в виде эмбрионов... (Иванов 188)

Постепенно репрессивный режим загонял неподконтрольное слово все глубже в подполье. Но уничтожить его окончательно оказалось невозможным, как невозможно отменить законы природы. Даже в самые мрачные времена находились литераторы, ценившие свободу творчества выше конъюнктуры и творившие не так, как требовала власть. Проза, стихи, философские и богословские трактаты, исторические и культурологические исследования читались в кругу друзей, переписывались, перепечатывались и передавались из рук в руки, заучивались наизусть. Тем самым была сохранена от уничтожения и забвения значительная часть литературного наследия репрессированных и отвергнутых официозом авторов. Так проявилась одна из важнейших функций Самиздата: функция сохранения свободного слова.

Либерализация внутренней политики в годы хрущевской «оттепели» не произвела переворота во взаимоотношениях Писателя и Государства. Времена массовых репрессий прошли, однако возможности литературной работы по-прежнему ограничивались как коммунистической идеологией, так и государственной монополией на издательскую деятельность, которая исключала право авторов самостоятельно выпускать книги и журналы. Оба эти фактора – политико-идеологический и социально-экономический – диктовались

город традиционно занимал в культурной истории России. Ленинград, город с величайшим интеллектуальным потенциалом, с большими культурными амбициями, с огромной читательской аудиторией, в советские годы оказался в ряду провинциальных городов, находившихся под двойным идеологическим гнетом – местного и общесоюзного партийного начальства. Многие важнейшие для ленинградской культурной жизни решения принимались в Москве на уровне центральных ведомств; именно там зачастую решались судьбы книг, спектаклей, концертов, кинофильмов, созданных ленинградскими авторами, там решалась и судьба самих авторов. При этом местная партийная власть в Ленинграде зачастую была более ретивой в своем консерватизме, в результате чего степень свободы здесь всегда была существенно ниже, чем в Москве.

Противоречие между образом столичного *Санкт-Петербурга*, которым город оставался в сознании интеллектуальной части своего общества, и реальным провинциальным советским *Ленинградом* давало дополнительный импульс развитию ленинградской неофициальной культуры. Именно эти обстоятельства обусловили факт существования ленинградского Самиздата как самостоятельного культурного феномена.

Развивавшееся с первых послесталинских лет культурное движение (самоназвания: «вторая культура», «нонконформизм», «андеграунд») прошло несколько этапов развития и со второй половины 1970-х годов представляло собой сильное и многообразное явление с устойчивыми внутренними связями, формами деятельности и функциями. Оно включало в себя независимое изобразительное искусство, театр, музыку (прежде всего, такие полузапретные в СССР формы как джаз и рок-музыка), всё разнообразие литературных жанров. Именно в это время появились «толстые» самиздатские журналы не группового, но общего характера: литературно-художественный и религиозно-философский журнал «37», издаваемый Виктором Кривулиным и Татьяной Горичевой; литературно-художественный журнал (альманах) «Часы», выпускаемый Борисом Ивановым и Борисом Останиным; журнал литературной критики и полемики «Диалог», созданный Сергеем Стратановским и Кириллом Бутыриным, и основанный ими же многоаспектный журнал «Обводный канал». Многие произведения, опубликованные в этих изданиях, а также в отдельных приложениях к ним, в новую эпоху были переизданы в полиграфическом виде и прочно вошли в историю современной русской литературы.

Говоря о ленинградском литературном Самиздате, мы, прежде всего, должны уяснить главные причины, породившие это явление и обеспечившие ему столь прочную временную устойчивость. Мы должны также увидеть нечто общее и очень важное, что объединяло в историко-культурном контексте таких разных авторов как Анна Ахматова, Иосиф Бродский, Лев Лосев, Рид Грачёв, Борис Вахтин, Виктор Кривулин, Тамара Буковская, Елена Шварц, Олег Григорьев, Владимир Эрль, Аркадий Бартов, Аркадий Драгомощенко.¹ Разумеется, это – литераторы разного масштаба, разных поколений, разных направлений и

---

¹ Биографии названных и многих других авторов Самиздата, а также подробное описание самиздатских журналов см. в Долинин, Северюхин.

Фундамент этой общности, этой принадлежности к неофициальной литературе, строится на трех основных положениях.

Первое положение состоит в неприятии официальной идеологической доктрины, составляющей суть «социалистического реализма» – художественного принципа, официально утвердившегося в СССР уже в 1930-е годы и предполагавшего «правдивый показ действительности в ее революционном развитии», а также коммунистическую лояльность и «народность», т. е. смысловую доступность широким массам населения. Для неофициальной литературы был характерен широчайший содержательный спектр, в котором находило свое место философия, религия, мистика, общественная мысль, исторические рассуждения, сатира, свободные полеты фантазии и эротические переживания, и многое-многое другое – все то, что находилось под фактическим запретом и не имело шансов преодолеть официальный (хотя нигде не прописанный законом) цензурный барьер.

Вторая составляющая фундамента неофициальной культуры состоит в неприятии официально тиражируемой эстетики, которая также составляла неотъемлемую часть «социалистического реализма». Для неофициальной литературы был характерен широчайший спектр эстетических подходов, широчайший диапазон формального языка – от всего многообразия классических форм до самых смелых авангардных экспериментов. Произведения многих независимых авторов были абсолютно неприемлемы для официальной печати отнюдь не по идеологическим, а именно по эстетическим, т. е. по формальным соображениям, и в особенности это касалось именно новаторских форм, которые попросту были непонятны литературным чиновникам и, следовательно, ими отвергались.

Третье положение состоит в следующем. Неофициальная культура строилась на представлении о своей принадлежности к единой мировой культуре, на осознании своей причастности к мировому культурному процессу. Преодоление вынужденной культурной изоляции, порожденной тоталитарным коммунистическим строем, воспринималось независимыми авторами как важная личная установка. Ими остро осознавалась необходимость глубокого освоения забытого и полузапрещенного литературного прошлого, необходимость восстановления прерванных культурных традиций и утраченных связей с современным западным миром. Не случайно постоянной составной частью самиздата становились стихи почти не издававшихся официально поэтов Серебряного века, произведения футуристов, позже – обэриутов, проза Михаила Булгакова, Евгения Замятина и Андрея Платонова, русская религиозно-философская литература. Не случайно также весьма существенный пласт самиздата составляли переводы многих западных авторов XX века, не допущенных к советскому читателю.

Перечитывая сегодня стихи Иосифа Бродского, написанные в 1960-е годы, на первый взгляд трудно понять, почему они оказались абсолютно неприемлемыми для официальной печати, а сам поэт стал мишенью для нечестного и позорного уголовного преследования. Ведь в его стихах нет места антисоветским выпадам, недозволенной политической сатире или порнографии. Ответ кроется в

была отвергнута официозом и безраздельно принадлежала неофициальной литературе. То же самое можно сказать и о многих других независимых ленинградских поэтах и прозаиках, которые, несомненно, находились в *культурной* оппозиции к официальному режиму, но за редким исключением не относили себя к оппозиции *политической* (что, прочем, не убергло многих из них от угроз со стороны КГБ, обысков и репрессий).

Главной же объединяющей силой неофициального культурного движения в Ленинграде являлась установка на *свободную* творческую деятельность, что в те годы воспринималось многими как почти сакральный жизнеутверждающий принцип. В одном из манифестов этого движения, опубликованном в 1977 г., говорилось:

Сотни художников, поэтов и мыслителей ищут и обретают право на свободное творчество, на новый адекватный современному состоянию человека художественный и философский язык, на выражение нового творческого опыта. Эти люди чужды соцреализму, но они и не противостоят ему. Особый характер ленинградской неофициальной культуры проявляется именно в позитивном устремлении, в постоянном преодолении каких бы то ни было проявлений негативизма, нигилизма и слепого бунтарства. [...] Сейчас мы проходим испытание внутренней свободой и риском – в этом пафос ленинградского культурно-духовного движения. (Кривулин, Горичева 9-11)

Политические преобразования в России, завершившиеся в 1991 г. крахом коммунистического режима, (несмотря на некоторые рецидивы) в целом решили большинство из тех проблем, которые стояли перед неофициальным культурным движением. С расширением свободы печати, отменой цензуры и восстановлением частного предпринимательства само слово «Самиздат» утратило свой прежний смысл. Творческая, историко-культурная и общественно-политическая функции Самиздата оказались исчерпанными.

Нонконформистская культурная среда всегда была сообществом непохожих друг на друга людей, которые придерживались разных взглядов на литературную и общественную жизнь. К началу 1990-х годов, когда общий враг в лице коммунистической идеологии уже не представлял прежней угрозы, пути литераторов разошлись. Многие из недавних кочегаров и сторожей стали активно печататься, смогли выпустить свои книги, некоторые вступили в реформированный Союз писателей, вошли в редколлегии «толстых» литературных журналов, редакционные советы издательств. Кто-то из них увлекся журналистикой, кто-то – политикой, иные занялись частной издательской деятельностью. Среди бывших «неофициалов» были те, кто предпочел хранить литературное затворничество и не торопился воспользоваться открывшимися возможностями.

Постепенно радужные иллюзии, порожденные «перестройкой», таяли, а место цензурных барьеров заняли барьеры рыночные, преодолеть которые мог далеко не каждый. По словам поэта Эдуарда Шнейдермана, для многих писателей «испытание непечатаемостью сменилось на свою противоположность – искушение рынком – прямую зависимость выпуска книг от наличия средств у автора».

казенном идеологическом и эстетическом стандарте, не на омертвевших постулатах «социалистического реализма», а на личном опыте духовной свободы и осознании своей причастности к мировой культуре.

Преодоление немоты было оплачено дорогой ценой. Несколько поколений литераторов, мечтавших обрести читателя, были отлучены от типографского станка. Далеко не всем довелось дожить до издания своих книг, выйти из подполья, получить общественное признание. Но созданные ими произведения, пронесенные самиздатом сквозь годы затянувшегося безвременья, составили живую ткань современной литературы, позволили сохранить непрерывность культурного развития. Многие из них по праву принадлежат к лучшим достижениям отечественной словесности.

Вячеслав Долинин. Фото Н.А. Симоновского

Дмитрий Северюхин. Фото Н.А. Симоновского

От куратора

Текст, предложенный авторами, представляет собой сокращенную и пересмотренную версию их Предисловия к книге *Самиздат Ленинграда 1950–1980-е: Литературная энциклопедия*, специально подготовленную для нашего журнала. Впервые, также специально для нас, осуществлен перевод на англ. яз.

Библиография

Иванов, Борис Иванович. “В бытность Петербурга Ленинградом. О ленинградском самиздате.” *Новое литературное обозрение* 14 (1995): 188-199. Печать.

Кривулин, Виктор Борисович, Татьяна Михайловна Горичева. “Культурно-духовное движение в Ленинграде.” *Посев* 3 (1977): 9-11. Печать.

Долинин, Вячеслав Эммануилович и Северюхин, Дмитрий Яковлевич. *Самиздат Ленинграда 1950–1980-е: Литературная энциклопедия*. Москва: НЛО, 2003. Печать.

Шнейдерман, Эдуард Моисеевич. “Пути легализации неофициальной поэзии в 1970-е годы.” *Звезда* 8 (1998): 194-200. Web. <<http://www.rvb.ru/np/publication/03misc/schneiderman.htm>>